

Александр Стуликов

12+

Сейчас бы ба-ахнуть!

Александр Геннадьевич Стуликов

Сейчас бы ба-ахнуть!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50822640

SelfPub; 2020

Аннотация

История, основанная на реальных событиях, рассказанная очевидцами и напечатанная без изменений.

Воскресным утром начальник военной призывной комиссии Павел Васильевич Пирожков, мужчина средних лет, с пивным животиком и небольшой залысиной на затылке, сидел за обеденным столом в одних трусах и давил мух. Все сегодня раздражало Павла Васильевича: и яркое летнее солнце за окном, и пение птиц, и смех детворы во дворе, да, собственно, никогда и не нравился ему весь этот, как он выражался, слащавый антураж.

Время от времени, неожиданно для самого себя, Павел Васильевич, подпрыгивал и начинал безумно орать:

– Сейчас бы ба-а-ахнуть!... Ба-а-ахну-уть!... Ахнууть! – да так громко он горланил, что возникало многократное эхо, которое разлеталось по всем этажам старой хрущевки, приобретая зловещий оттенок, от чего не только собаки, но даже кошки начинали завывать. Что означало это «ба-ахнуть», какой смысл несло – для жителей пятиэтажки оставалось загадкой. Соседи делали разные догадки, кто-то предполагал, что Павел Васильевич хочет опохмелиться, ну, типа бахнуть – выпить стопочку, но эта версия быстро растворилась сама собой, т.к., во-первых, он никогда не употреблял – этот факт подтверждали бабушки у подъезда, а они-то уж пары зеленого змия учуяли бы за версту; во-вторых, Митька с первого этажа напрямую предлагал Пирожков посидеть, намекая на пол-литра Челнинской, но тот только отмахнулся.

Ходили разговоры и совсем уж жуткие, говорили, мол, Павел Васильевич счеты с жизнью хочет свести, бахнуть имеется ввиду застрелиться желает, но по этому поводу можно было не волноваться, весь город знал, что хоть Пирожков и при майорских погонах, в жизни он в руках не держал пистолета, один раз, конечно, было у него на срочке после присяги их в оружейку повели для ознокомства, так там он каким-то чудом, возможно, ружье не удержал или еще какая ситуация вышла, но умудрился он штык-ножом себе ногу покалечить. После лечения в госпитале его сразу же комиссовали на гражданку, а здесь его уж дядька-прокурор в военкомат пристроил, с тех пор он опаснее карандаша и вилки ничего и не держал.

В общем, по итогу, перебрав все возможные объяснения, странному поведению Павла Васильевича, соседи стали считать, что в тот момент, когда он в очередной раз начинает орать свое «сейчас бы ба-ахнуть», он просто находится не в своем уме, и старались в эти минуты подальше держаться от его дверей. В свою очередь, Павел Васильевич не раз наблюдая в окно за соседями, неоднократно приходил к выводу, что у них не все в порядке с головой. К примеру, для чего они, возвратясь с работы, вынаряживаются в вечерние платья и поспешают, допустим, в театр или на концерт? Отчего радуются первому упавшему снегу или поют песни? – озадачивался Павел Васильевич и почитал все это за синдром

ненормальности, и одно время даже носил маску, боясь заразиться, но, поняв, что воздушно-капельным путем данный вирус не передается, просто ограничился тем, что стал сторониться своих соседей по дому и, на всякий случай, пересмотрел все свои увлечения и занятия, которые могли быть схожими с симптомами опасной болезни, а убедившись в отсутствии таковых, окончательно успокоился, но не остановился.. Изо дня в день он старался выявлять и вычеркивать из своего бытия все то, что он считал угрозой для нормальной жизни. Так он перестал отмечать все праздники, оставив для внимания только даты военных сражений, даже календарный год Павел Васильевич условно поделил на два времени – весну и осень, а потом и вовсе заменил их на периоды – призывной и непризывной, зиму и лето вычеркнул за ненужностью.

В планах у Павла Васильевича, конечно, стояла цель упростить год до одного периода – призывного, но пока он не находил решения.

Непризывной период Павел Васильевич не любил в особенности, коридоры военкомата в это время были безлюдны. Дырокол со скоросшивателем простаивали впустую. Даже поговорить ему было не с кем, можно было, конечно, зайти к полковнику Егору Тимофеевичу, ветерану войны, но он разговоры на военную тему не поддерживал, а если настаи-

вать, то мог и в морду дать. С гражданскими у Павла Васильевича уже давно разговор не ладился, они всегда один и тот же вопрос задавали ему: зачем, говорят, учить одних людей убивать других?, на что Павел Васильевич четко отвечал: «Положено! Гражданский долг!» – после чего с силой захлопывал дверь и уходил бродить по коридорам военкомата в полном одиночестве, заставляя время от времени вздрагивать своих коллег от неожиданного «сейчас бы ба-ахнуть!».

Когда наступал призывной период,

Павел Васильевич расцветал, у него даже появлялась улыбка на лице.

Коридоры военкомата мгновенно наполнялись бритоголовыми мальчишками, а дырокол со скоросшивателем начинали работать бесперебойно. Работал Пирожков в это период не покладая рук. Какой бы план по призыву не давали Павлу Васильевичу, он его с легкостью перевыполнял и в три и, даже, в пять раз, отчего его результатами одно время даже из столицы интересовались и попросили раскрыть секреты эффективного метода работы, на что Павел Васильевич коротко рапортовал: «Секретов нет, у меня все просто, девиз один: будешь годен – пойдешь в армию, не будешь годен – не пойдешь в армию. Тут два варианта, третьего не дано». Лукавил, конечно, Павел Васильевич, был у него и третий, и пятый, и десятый варианты. Если, допустим, приходит к

нему студент с законной отсрочкой от службы, так Павел Васильевич в деканат мигом звонит, и на утро студент уже в шинели марширует, а если по здоровью какой призывник не проходит, так Павел Васильевич лично диагноз правит, а коли уж и вовсе упертый мальчишка, так он его диспансером для душевнобольных страшит, связи, говорят, у него и там есть. Но обманом Павел Васильевич данный факт не считал и не находил это поводом для стыда, а если и возникали проблески сомнения в его голове, то он жестко отвечал своему сознанию: «Служба превыше всего!»

Что же означало это "сейчас бы ба-ахнуть..а-ахну-уть", какой смысл несло, для жителей пятиэтажки так и осталось загадкой. В тот воскресный день, наблюдая за неестественной тишиной, соседи заподозрили неладное и ворвались в комнату к Павлу Васильевичу, но к всеобщему удивлению его там не обнаружили не живым ни мертвым. На обеденном столе после Павла Васильевича остались только гора раздавленных мух и телеграмма, в которой сообщалось, что военный комиссариат подлежит расформированию и сносу. Военкомат вскоре действительно снесли и построили на его месте детский сад и школу, а начальника военной призывной комиссии Павла Васильевича Пирожкова так больше никто и не видел, но, иногда, особенно в солнечные дни, откуда-то из подвала старой хрущевки доносится эхо, от чего не только собаки, но даже кошки начинают завывать.